

Анджей Залуский

*Время
и музыка*
Михала Клеофаса
ОГИНСКОГО

Анджей Залуский

Время и музыка Михала Клеофаса Огинского

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22304393

Время и музыка Михала Клеофаса Огинского / Анджей Залуский:

Издательство «Четыре четверти»; Минск; 2015

ISBN 978-985-7103-58-4

Аннотация

Анджей Залуский, прапраправнук М. К. Огинского, оставаясь верным истории в общих ее чертах, позволил себе лишь некоторые отступления в подробностях, не имеющих исторической важности. Ему удалось главное: не только воскресить наглядное лицо эпохи, но и показать судьбу Михала Клеофаса Огинского – дипломата, государственного деятеля Речи Посполитой, музыканта и композитора, одной из выдающихся фигур европейской истории и культуры.

Второе издание книги «Время и музыка Михала Клеофаса Огинского» дополнено материалами из архивов Национального исторического музея Республики Беларусь, Музея истории театральной и музыкальной культуры, музея-усадьбы М. К. Огинского в Залесье, личного архива автора.

Содержание

Ладзин	5
Рождение в сорочке и два богатых дядюшки	15
Жан Ролей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анджей Залуский

Время и музыка Михала

Клеофаса Огинского

Перевод с английского

2-е издание, дополненное

© Залуский Анджей, 1997, 2015

© Плютов В. С., перевод на русский язык, 1998

© Оформление. Издательство «Четыре четверти», 2016

Ладзин

Интересно, что же пытается сыграть Антек? Музыканта очень раздражает, если он не может узнать исполняемый фрагмент. Не знаю почему, но я подумал о Фильде. Потому, наверное, что Фильда я никогда не исполнял и даже мало что слышал о его музыке. Я мог точно сказать, что исполняемый фрагмент сочинен не Бетховеном, не Шубертом, и конечно же, не Шопеном. Но утверждать, что эту музыку написал не Фильд, я не мог, хотя скорее все-таки он, а не Дусик или Гуммель. Эпоха произведения, по-видимому, определена точно.

Против того, что это Фильд, было только одно: Антек – не тот человек, который пожелал бы исполнять музыку этого композитора. Я даже не уверен, слышал ли Антек когда-нибудь о Фильде. Антек часто играл некоторые популярные произведения Шопена, первую часть Первой сонаты Бетховена, которую когда-то готовил к экзамену, и конечно же, полонезы Огинского. Тут я вспомнил: по прибытии в Ладзин полчаса назад я, как обычно, взглянул на ноты, лежащие у старого рояля «Бозендорфер», и среди них заметил несколько ксерокопий полонезов Огинского. Об Огинском я знал мало. Он был и моим предком, и конечно, предком Антека. Точнее говоря, он – мой прапрапрадед. Поэтому все ожидали, что мы будем столь же музыкальны. Он сочинил прекрасный полонез, очень популярный в Польше. Возможно,

это произведение самое популярное в Польше из когда-либо сочиненных. Его аристократическое звучание с оттенком героизма и грусти является как бы намеком на былое и потерянное величие Польши. Шопен никогда не знал независимой Речи Посполитой. Огинский, напротив, в независимой Речи Посполитой жил и стал свидетелем потери ее независимости. Шопен видел независимость в своем воображении, Огинский знал ее из собственного опыта. Огинскому мешало то, что он был человек семейственный, и поэтому, по моему мнению, не мог преуспеть во всем. Такое же мнение у меня сложилось и о прадеде Кароле – внуке Огинского: он был дипломатом, замечательным лингвистом и композитором-любителем. У меня даже имелись некоторые его музыкальные пьесы, но я так и не нашел времени полистать их. Жизнь коротка, а фортепианный репертуар слишком богат и разнообразен, чтобы терять время на обремененных семейством людей, которые, с моей точки зрения, обязательно должны быть заурядными. Полонез Огинского неплох, но ведь это так мало и, наверное, просто счастливая случайность. Когда я слушал, как его исполняют уличные музыканты на главной площади Кракова, мое предубеждение только усилилось.

Ладзин хранит очарование уже другой эпохи. Когда после войны к власти в Польше пришли коммунисты, они конфисковали все дома и имущество у тех, кому принадлежало более пятидесяти гектаров земли. Тогдашний владелец свои

дела вел плохо – у него осталось только три гектара, – поэтому Ладзин не стали трогать, он продолжал существовать, населенный тетушками – старыми девами, которые спокойно управлялись со своими старушечьими делами под темно-синими небесами забытого уголка прикарпатской Польши. И вот несколько лет назад Ладзин перешел по наследству Антеку. В Польше я не был более пятидесяти лет, и когда, начиная с 1991 года, стал приезжать сюда, всегда направлялся в Ладзин, где Антек сдавал за плату комнаты постояльцам, с которыми обращался в традиционном стиле старосветского польского гостеприимства. Там было с кем встретиться и с кем поговорить: беседы тянулись далеко за полночь, а рядом всегда стоял старый рояль «Бозендорфер», вероятно, еще из той партии инструментов, которую в начале столетия доставили из Вены. У всех наших родственников из соседних поместий были свои «Бозендорферы». Считалось, что все мы музыкальны.

Имение в Ладзине. Около 1980 г.

Особенной популярностью в Ладзине пользовался Шопен. Когда исполнялась музыка Шопена, возникало чувство, что именно из таких маленьких поместий, как Ладзин, молодые поляки отправлялись на сражения великого восстания 1830 года, трагический исход которого был для Шопена столь значим, либо воевали в не менее трагичном восстании 1863 года.

Поэтому, когда я играл первый полонез из любопытства и чтобы убедиться в том, что Антек правильно воспринимает музыку, меня наполнило очарование Ладзина. Полонез фа мажор звучал очень нежно, а трио в фа миноре напоми-

нало Гайдна. Позднее я узнал, какой огромной популярностью пользовался этот полонез во всей Европе при жизни Огинского. Я перешел ко второму полонезу. Он был совсем иным. Что-то вновь напоминало Гайдна, но уже в стиле его «Бури и натиска». Третий полонез в си-бемоле был восхитителен и в чем-то классичен. Четвертый полонез содержал чисто ми-бемольные аккорды, придававшие ему мягкий пасторальный тон. В драматически звучащем пятом полонезе до минор я уловил любопытное ощущение «уже виденного»: он напоминал мне до-минорный полонез Шопена. Инстинктивно я подумал о влиянии Шопена на Огинского, но вдруг вспомнил, что Огинский сочинил этот полонез по меньшей мере за тридцать лет до полонеза Шопена.

Я сыграл шесть полонезов, когда раздался звонок к ужину. После ужина я опять сел за рояль и сыграл еще шесть полонезов. Они, пожалуй, оказались еще изящнее, причем каждый из них явился своего рода сюрпризом, ибо полностью отличался от предыдущего: в нем не было ничего неинтересного, не было всех тех банальных переходов, столь типичных для музыки второстепенных композиторов той эпохи.

В оставшиеся дни моего пребывания со мной всегда была музыка Огинского. Я обнаружил двенадцать полонезов, идеально подходивших для исполнения подряд, что очень нравилось слушателям. Играть их, правда, было очень просто. Модуляции почти не менялись, использовалось лишь

несколько основных тональностей, тем не менее музыка завораживала своим разнообразием.

Мне захотелось узнать об Огинском больше. Откуда появилась такая музыка? Кто был его учителем? Какое место может принадлежать ему в истории музыки? Вернувшись в Англию, я принялся за чтение мемуаров Огинского «О Польше и поляках» в четырех томах, надеясь там отыскать некоторые ответы на свои вопросы.

К своему удивлению, я обнаружил лишь два мимолетных упоминания о музыке, причем одно из них попало в мемуары чисто случайно в связи с первой встречей Огинского и Наполеона. Вся книга посвящена истории, политике и авантюрам. И каким авантюрам! Им вполне нашлось бы место в романах Стендаля, не говоря уже о четкой, ясной французской манере изложения. Казалось, что все это писал не автор полонезов, а совершенно другой человек. Кроме того, последняя часть мемуаров, посвященная царю Александру I, написана в удивительно нелепом, угодливом тоне. Поляков и, я уверен, польских историков это очень отталкивает. Постепенно, когда я все глубже и глубже познавал Огинского, передо мною стали открываться другие неожиданные факты. Это было похоже на чтение пьес Мольера, когда каждая сцена раскрывает совсем иную сторону сложного характера, и эти стороны самым неожиданным образом сочетаются друг с другом. Итак, перед нами предстает Огинский-музыкант, Огинский – отважный революционер, Огинский – государ-

ственный деятель, дипломат, придворный, воин, историк и даже должник. Раскрывается и личная жизнь Огинского.

М. К. Огинский

К тому же при чтении мемуаров создается впечатление, что во время непродолжительной своей жизни в имении в Залесье он вел спокойную жизнь, сочиняя музыку и предаваясь размышлениям. Это совсем не так. Его стиль жизни там можно лучше всего определить как нечто среднее между жизнью Алека Гиннесса в классическом фильме пятидесятых годов «Рай капитана» и жизнью Людовика XIV, описанной в мемуарах герцога Сен-Симона.

Выявляется еще один Огинский – будуарный *farceur*. Я использую это французское слово не в собственном значении «шутник», скорее – «участник будуарного фарса». Это выглядит тем более комично, если учесть, что человек, стремившийся завоевать благосклонность дам, внушал чувство страха. Беннигсен являлся немецким генералом, позднее взявшим на себя командование русскими армиями в битве под Эйлау – первом нерешительном со стороны Наполеона сражении – и в битве под Фридландом. Еще интереснее то, что за несколько лет до этого Беннигсен был одним из заговорщиков, которые старались вынудить царя Павла I отречься от престола и которым, в конце концов, удалось задушить бедного и не отличавшегося умом монарха. Лично Беннигсен никого не душил, хотя он был очень и очень крепок и физически мог бы вполне справиться с этой задачей. Хорошие манеры и достоинство сана генерал-губернатора Литвы помешали Беннигсену устроить скандал или использовать

свою шпагу – оружие, которым сей профессиональный солдат, должно быть, владел столь же безупречно, как Огинский скрипкой (Огинский был превосходным скрипачом и любил исполнять струнные квартеты).

Начиная с 30-х годов XX века, в трудах польских историков имя Огинского упоминалось не с лучшей стороны. Так, один из памфлетов носит явно оскорбительный характер, а изложенные в нем предположения подкрепляются обилием ложных фактов.

Несомненно, на Огинского оказали влияние два отчетливо выраженных противоречивых фактора. С одной стороны, он обязан своим образованием и проницательным умом политика и дипломата влиянию французских просветителей. С другой стороны, ему была свойственна своего рода широкая натура, столь характерная для польских магнатов XVIII века и существенно способствовавшая разделу Речи Посполитой. Кроме того, за ним замечалась непоследовательность. Политикам ведь всегда приходится принимать решения, когда они обнаруживают, что выбрали неверный курс. Что предпринять: продолжать идти дальше и мужественно оставаться «убежденным политиком» либо мужественно совершить радикальный поворот? Огинский, конечно, предпочитал второе.

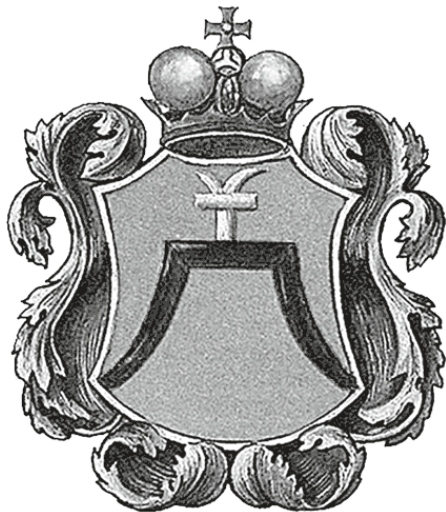
Рождение в сорочке и два богатых дядюшки

Огинские происходили из литвинов. Такое утверждение, вполне понятное любому поляку, необходимо все-таки разъяснить. Пусть оно даже не совсем точное, но для нас важное, чтобы понять некоторые взгляды Михала Клеофаса Огинского и проводимую им впоследствии политику. Начиная с 1386 года, в течение четырех столетий Польша и Великое Княжество Литовское (Литва) образовывали союз, приблизительно напоминающий союз Англии и Шотландии, но при большей независимости княжества. Так, у Литвы были свои армия, казначейство и правительство. В период существования союза она была не такой развитой страной, как Польша, но гораздо более обширной, закаленной в непрерывных войнах против татар и позднее – против Московской Руси, посягательства которой, поначалу робкие, приобрели большой размах в XVII веке. Считается, что Великое Княжество Литовское было скорее белорусским, чем литовским, и это действительно так в том смысле, что на нынешнюю Беларусь приходилась основная часть тогдашнего Великого Княжества, все остальное составляли собственно Литва (Жмудь) и значительная часть Украины. Важно также понять, что поляки исторически разграничивают русских,

имея в виду русских Московии и народ Рутении или Литовской Руси, проживавший на большом пространстве между Россией и Польшей, одно время являвшемся частью Речи Посполитой – объединенного государства Польши и Литвы, а потом попавшем во владение России. Поэтому было бы неверно утверждать, что Огинские по своему происхождению русские. Они, как и ряд других княжеских литвинских семей, когда-то переехали в Литву с окраин Рутении. По неподтвержденным сведениям, их род восходит к Рюрику Великому, основателю Киевской Руси, торгового государства с центром в Киеве, возникшего на несколько столетий раньше Московской Руси и почти стертого с лица земли монголо-татарскими завоевателями Батыея – внука Чингисхана – в XIII веке.

Примерно в 1500 году Александр Ягеллончик, великий князь литовский и впоследствии король Польши, передал во владение боярину Дмитрию Ивановичу Глушонку имение Огинты. Польские фамилии с окончанием «-ски», как известно многим читателям, распространились с XV века и происходили от названия собственности их носителей. Так владелец имения Огинты стал Огинским.

Его семья приобрела вес, ведя полунезависимое и во многом вассальное существование где-то на Смоленщине, участвуя в междоусобных войнах и разных потасовках против татар и других непрошенных гостей с востока.

Герб рода Огинских

На протяжении XVI и XVII веков Огинские занимали более или менее ответственные посты как на местном, так и на общегосударственном уровне в Литве. Продолжателем такой традиции был и Марциан Михал (1672–1750). Закаленный многими войнами против татар и турок, за свои семьдесят восемь лет он имел пять жен, четыре из которых умерли при жизни мужа, и лишь пятая пережила его на пять лет. Особенно следует отметить третью жену, которая позднее, в 1839 году, стала героиней французского романа «Гелена Огинская, или Шведы в Польше», написанного графиней Шуасель-Гуфье, женой бывшего французского посла при дворе

Александра I. От второй жены, Терезы, у Марциана Михала было много детей, и только восемь из них не умерли в детстве.

У нас есть портрет Тадеуша Францишка, дедушки Михала Клеофаса. На нем изображен весьма величественный господин с экзотическими чертами, в военных доспехах, с частично остриженными волосами – так велела польская мода того времени. На вид он очень суровый, хотя при более внимательном рассмотрении его слегка округленных черт лица возникает сомнение, был ли он столь суров на самом деле или просто старался казаться таковым. Традиция опровергает всякие возможные сомнения. Из-за уважения, которое к нему испытывали, его называли старейшиной сената. Твердо следуя своим желаниям, он пустил по ветру целый ряд своих поместий, но одарил ряд церквей и многое потратил на другие благие дела.

Портрет Тадеуша Францишка. Художник К. Минтер

Между союзом Англии и Шотландии и когда-то суще-

ствовавшим союзом Литвы и Польши есть одно различие. В последнем никогда не вставал вопрос о завоевании Литвы. Не было таких сражений, как при Флоддене или Каллодене, ни даже как при Баннокберне, которые могли бы испортить счастливое совместное проживание. Социалисты и националисты в современной Литве обвиняют старую литовскую аристократию в том, что в культурном отношении она была завоевана Польшей, и здесь вновь можно найти параллель в Британском союзе. Шотландские аристократы говорят по-английски, а не по-гаэльски, посылают детей учиться в Итон, а не в академию в Брейдалбейне. Точно так же интересы литовских аристократических семей XVIII века не ограничивались местным уровнем и выходили на уровень объединенного государства. Члены таких семей уже переняли польские обычаи и считали себя поляками.

Так, один из двух сыновей Тадеуша Францишка, Андрей, в основном активно проявлял себя именно в Польше. У него там были имение и «палац», который французы называли бы «отель», в Варшаве. Сейчас на его месте расположен отель «Европейский». Андрей был дипломатом и в разное время служил посланником в ключевых по своему значению городах: Санкт-Петербурге, Вене, Берлине. Его младший брат Францишек Ксаверий, последний подкоморий Литвы, унаследовал крупные литовские поместья и, являясь одним из упомянутых богатых дядюшек, занимает не столь заметное, но важное место в нашем повествовании. Когда в 1802 го-

ду Михал Клеофас без гроша в кармане, лишившись своих двух огромных поместий в перипетиях последнего раздела Речи Посполитой, возвратился из изгнания, старый добрый «дядюшка Франек» позволил ему взять себе желанное имение Залесье, о котором мы еще скажем подробнее. Этим дело не ограничилось, так как после смерти дядюшки в 1814 году Михал Клеофас унаследовал от него и иную собственность, включая Молодечно, краткую славу которому принесло временное пребывание там Наполеона после отступления из Москвы.

Хотя потомки Михала Клеофаса — люди музыкальные, трудно указать первопричину музыкальных склонностей этой семьи, ведь не менее трех Огинских фигурируют в словаре музыки и музыкантов Гроува. Мы хотим обратить внимание на двух из них — это Михал Клеофас и его близкий родственник Михал Казимир (1730–1800). Оба были композиторами и государственными деятелями. Их инициалы одинаковы, и хотя они люди разных поколений, их часто путали даже некоторые авторитетные историки.

Рано потеряв отца, Михал Казимир воспитывался под опекой очень влиятельной семьи Чарторыйских, с которой он в конце концов породнился. Его связи и состояние позволили ему занимать ряд важных постов, наивысшим из которых стал пост великого гетмана (командующего войсками) Литвы. Его можно было бы назвать одним из самых важных граждан Речи Посполитой второй половины XVIII века, хо-

тя, к сожалению, как и у некоторых других, у него были свои негативные стороны, пусть даже очень колоритные. В 1750-х годах он провел несколько лет за границей, на добровольной службе во французской армии, принимал участие в битве при Хастенбеке, затем возвратился в Польшу, чтобы жениться.

Портрет Михала Казимира Огинского. Художник А. Ли-

Гетман Михал Казимир однажды даже нанес поражение русским войскам во второстепенном по своему значению сражении, но позже этот успех был омрачен тем, что он по оплошности дал возможность ставшему впоследствии знаменитым Суворову напасть на него ночью и разогнать его войско.

Михал Казимир принимал активное участие в решении политических проблем своей эпохи. Одной из его серьезных успешных инициатив было строительство канала (канала Огинского), соединившего речные системы Балтийского и Черного морей. В 80-е годы XVIII века он основал политическое движение (о нем мы скажем позднее), направленное на поддержку союза с Пруссией.

Тем не менее, несмотря на обаяние и общественное признание Михала Казимира, его эксцентричный оптимизм приводил к внезапным спорадическим приливам энтузиазма, результатом которого часто была деятельность, вызывавшая порицание. С большим размахом он потратил лучшую часть огромного состояния на то, что часто имело отношение к музыке. Сам сочинял музыку, играл на скрипке, кларнете и на арфе, причем последний инструмент даже немного усовершенствовал. Во время своего пребывания в Париже в 1750-е годы Михал Казимир покориł немало поклонников как музыкант-любитель. Позднее в своем имении в Слони-

ме он завел собственный оркестр, две оперные труппы, итальянскую и польскую, и театр. «Произведения Мангейма и венской школы исполнялись, как если бы их сочинил сам Михал Казимир» (Польский биографический словарь). Его оперная труппа была лучшей в Речи Посполитой в ту эпоху. Ибо высоко ценивший культуру король ратовал за развитие архитектуры и живописи в Варшаве, а к музыке какого-либо интереса не проявлял.

Михал Казимир сочинил несколько опер, сам написал к ним либретто, писал балетную музыку и менее крупные произведения. Сейчас его произведения и музыка Михала Клеофаса активно изучаются в Беларуси. Полагают, что во время своего пребывания в Вене Михал Казимир подсказал Гайдну идею его оратории «Сотворение мира».

Все это вновь возвращает нас к Михалу Клеофасу, так как в 1791 году его дядя Михал Казимир передал племяннику большую часть своих поместий с условием, что тот возьмет на себя заботу о непогашенных долгах. Это наследие, которое с течением времени стало настоящей «головной болью», доставило Михалу Клеофасу при его жизни, а позднее и его репутации бесконечную массу проблем.

Жан Ролей

Михал Клеофас родился в Гузове, фамильном владении недалеко от Варшавы, 25 сентября 1765 года. Мать Михала Клеофаса, до того как выйти замуж за Андрея Огинского, дважды овдовела. Ее старший сын Феликс Лубенский являлся продолжателем рода, обосновавшегося в Великой Польше, впоследствии захваченной Пруссией. Второй сын, Прот Потоцкий, родился в Галиции. Огинские, как известно, по происхождению литвины. Таким образом, Полину Огинскую называли «матерью трех провинций». Такие сведения и ряд других можно найти в неопубликованной автобиографии Михала Клеофаса в разделе о его молодых годах.

Полина из рода Шембеков, княгиня Огинская, мать М. К. Огинского

Когда мальчику было четыре года, он очень понравился королю на одном из приемов: король поставил Михала на стол, задал ему несколько вопросов по Библии и, удовлетворившись ответом, спросил мальчика, кем он станет, когда вырастет. «Я хочу служить своей стране, но не хочу быть королем, так как люди говорят, что Ваше Величество очень несчастны», – таков, говорят, был ответ ребенка.

Когда Михалу Клеофасу исполнилось семь лет, его отца назначили послом в Вену. Время было смутное. Отряды повстанцев и отряды русских войск охотились друг за другом по всей стране, поэтому Андрею Огинскому со свитой дали сопровождение из двух тысяч поляков и татар под командованием Браницкого. Позднее к ним присоединились пятьсот русских под командованием Суворова, бывшего тогда в чине полковника. И тот и другой военачальники приобрели затем известность, причем также и дурную. Браницкий был гетманом Короны, то есть Польши, а не Литвы, однако вошел в историю как предатель за участие в руководстве Тарговицкой конфедерацией в 1792 году. На Суворове, одном из самых известных и результативных русских военачальников, лежит ответственность за страшную резню гражданского населения варшавского предместья Прага в 1794 году – одного из ужаснейших военных преступлений всех времен. Ми-

хал Клеофас со своей сестрой, наверное, побаивались строгого вида Суворова, который, однако, любил детей и все время угощал их яблоками. Окружение Огинского не могло понять, почему Михалу Клеофасу жалко захваченных повстанцев, которых порой видели закованными в цепи, однако сострадание к тем, кто оказался менее удачливым, чем он сам, сострадание, усиленное полученным под руководством Жана Ролея образованием, было характерной чертой Огинского в течение всей его жизни.

В Вене сестра Михала Клеофаса Юзефа была отдана в женский монастырь, и родители стали подыскивать для Михала гувернера, который занялся бы его образованием. Выбор пал на Жана Ролея, бывшего в то время одним из наставников эрцгерцога, позднее ставшего императором Леопольдом.

Имение Огинских в Гузове

В воспоминаниях Михала Клеофаса о детстве есть один особенно интересный момент – описание методики этого замечательного учителя. Среди современных наставников к Жану Ролею ближе всего стоит, наверное, основатель Салема и Гордонстоуна Курт Хан, идеи которого вдохновили представителей других школ, таких как Раннок, и даже повлияли на сторонников Школы физической и волевой закалки.

Жан Ролей обнаружил, что семилетний мальчик умеет чи-

тать, знает некоторые цитаты из Библии и может декламировать, как попугай у Лафонтена. Больше всего его, однако, тревожило то, что Михал Клеофас был несколько толстоват, и это не годилось для усердной работы. Он изменил рацион мальчика, заставлял его есть много фруктов, тушеных овощей, ограничивал употребление мяса и брал его с собой на длительные прогулки вдоль крепостных валов Вены. Что касается обучения, то оно было ориентировано на личность ребенка в лучшем смысле этого утрированно-го термина: учитывало его потребности, хотя в конечном итоге являлось строгим и требовательным. На первых порах многочисленные задания давали практические результаты. Михал Клеофас постиг геометрию, составляя масштабные чертежи сначала своих комнат, потом, когда вернулся в Польшу, обширных садов Гузова и, наконец, полей. Многие уроки проводились на улице, например ботаника, включавшая элементы знаний, необходимых будущему землевладельцу. Такие занятия, дававшие понимание основ предмета и потом подводившие к углубленному изучению, сопровождались посещением крестьянских домов вместе с Роле-ем, который учил мальчика уважать трудящийся класс, объяснял важность труда, взаимобмена и денег, что позднее приведет к изучению трудов экономистов и антиэкономистов. Этим также объясняются некоторые очень тонкие замечания Огинского о практическом применении политэкономии, высказанные им в своих сочинениях.

Когда мальчик подрос, Жан Ролей пригласил учителей по отдельным предметам. Впоследствии Михал Клеофас будет благодарен, что его познакомили с латинским языком сравнительно поздно, когда он достаточно созрел, чтобы оценить латинских авторов. За полтора года юноша прочел почти всего Цицерона, Тацита, Вергилия, Горация, кое-что из Овидия, Катулла, Ювенала и ряда других авторов. Столь же начитан он был и во французской литературе и, естественно, знаком с произведениями таких светил Просвещения, как Вольтер и Руссо. Для Жана Ролея необычным являлось то, что, несмотря на знание им прогрессивных идеалов, его собственные мнения основывались на глубокой преданности христианству. Жан Ролей был добрым и очень хорошим человеком. Учеба вошла у Михала Клеофаса в привычку. Много позднее, в Гамбурге в 1798 году, он даже посещал курс химии.

INSTITUTORI SUO
JOAN. ROLAY
GRATUS DISCIPULUS
M. O.
MDCCLXXII

Памятный камень в честь Жана Роля в усадьбе Залесье

В математике, преподаваемой аббатом Роде, бывшим иезуитом, успехи Михала Клеофаса были не столь заметны. Этому предмету он не нашел большого практического применения, и только позднее в связи с появившимся интересом к астрономии математика начинает его привлекать. Молодой человек не только читал – он также делал письменные комментарии и анализировал работы Кондильяка и Мэйбли. Из исторических трудов читал Робертсона, Гиббона, Вольтера и Мэйбли. До шестнадцати лет даже изучал право. Кроме того, Михал Клеофас сделал все, чтобы научиться превосходно писать по-польски, и знал все о польской литературе. В семнадцать – девятнадцать лет он работал по шестнадцать часов в день.

Поклонники полонеза Огинского могут спросить, а где же среди всего этого находилось место музыке. В ответ можно сказать, что музыка входила в его жизнь в те короткие промежутки свободного времени, которые у него были в течение нескольких лет после достижения им десятилетнего возраста. Юзефе наняли учителя музыки – шестнадцатилетнего Юзефа Козловского, и Михал Клеофас настоял, что он также будет учиться музицированию. Вскоре юный Огинский стал отличным пианистом, но из-за других интересов и обязанностей не мог постоянно поддерживать форму. Впоследствии он будет сожалеть, что больше времени отводил

скрипке – «этому неблагодарному инструменту, не выносящему посредственности».

Интересно сравнить образование, полученное Огинским, с подготовкой его младшего по возрасту современника Адама Чарторыйского, названного впоследствии некоторыми «величайшим поляком своего поколения», который время от времени будет фигурировать в нашем повествовании. В своих великолепных мемуарах Чарторыйский рассказывает о полученном образовании: оно было более традиционным, включало меньше предметов, отличалось меньшей интенсивностью и часто прерывалось необходимостью бывать в свете. Что касается еще одного младшего современника Огинского – царя Александра I, то, по словам Чарторыйского, никто никогда не заставлял государя завершать изучение сколь-нибудь серьезной книги. Создается впечатление, что швейцарский учитель Александра Лагарп в основном потчевал его частично усвоенным Руссо.

Адам Чарторыйский

Причину такой основательной учебы следует искать в высказывании четырехлетнего мальчика: «Я хочу, когда вырасту, служить своей стране». Наверное, подобные высказывания, наряду с выражением *enfant terrible*, можно было часто слышать в разговорах его родителей. По-видимому, Андрей Огинский остро понимал, что Польше его времени нужны высокообразованные и умные патриоты. Иллюстрацией его прогрессивных идей может служить и сделанная его сыну прививка против оспы (событие в те годы редкое), которую мальчик, к удивлению многих, перенес хорошо. В возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет Михал Клеофас еще больше расширил сферу своих занятий: стал переводить на польский язык отрывки из Горация и какую-то французскую книгу по торговле. Он также написал на польском языке и опубликовал работу, посвященную взаимосвязям между сельским хозяйством, промышленным производством и торговлей. В этот же период молодой Огинский постепенно берет на себя управление владениями своего болеющего отца: хозяйством, в котором числилось шестьдесят работников, конюшнями с шестьюдесятью лошадьми, обширными земельными угодьями. Шаг этот был необычен: ведь большинство землевладельцев передавало управление своими имениями в руки управляющих, которые зачастую вели дела неважно. Таким образом, Михала Клеофаса редко видели в обществе, поэтому еще большее удивление вызвали

появившиеся впоследствии светский лоск и популярность.

В то время Андрей Огинский был воеводой в Троках. Ему нездоровилось, и он поручил Михалу Клеофасу представлять его на выборах 1784 года в сейм – парламент Речи Посполитой. Воеводами в Троках были в свое время шестеро из Огинских, поэтому их род пользовался в тех местах большой популярностью. Михал Клеофас оставил красочное описание выборов в сейм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.